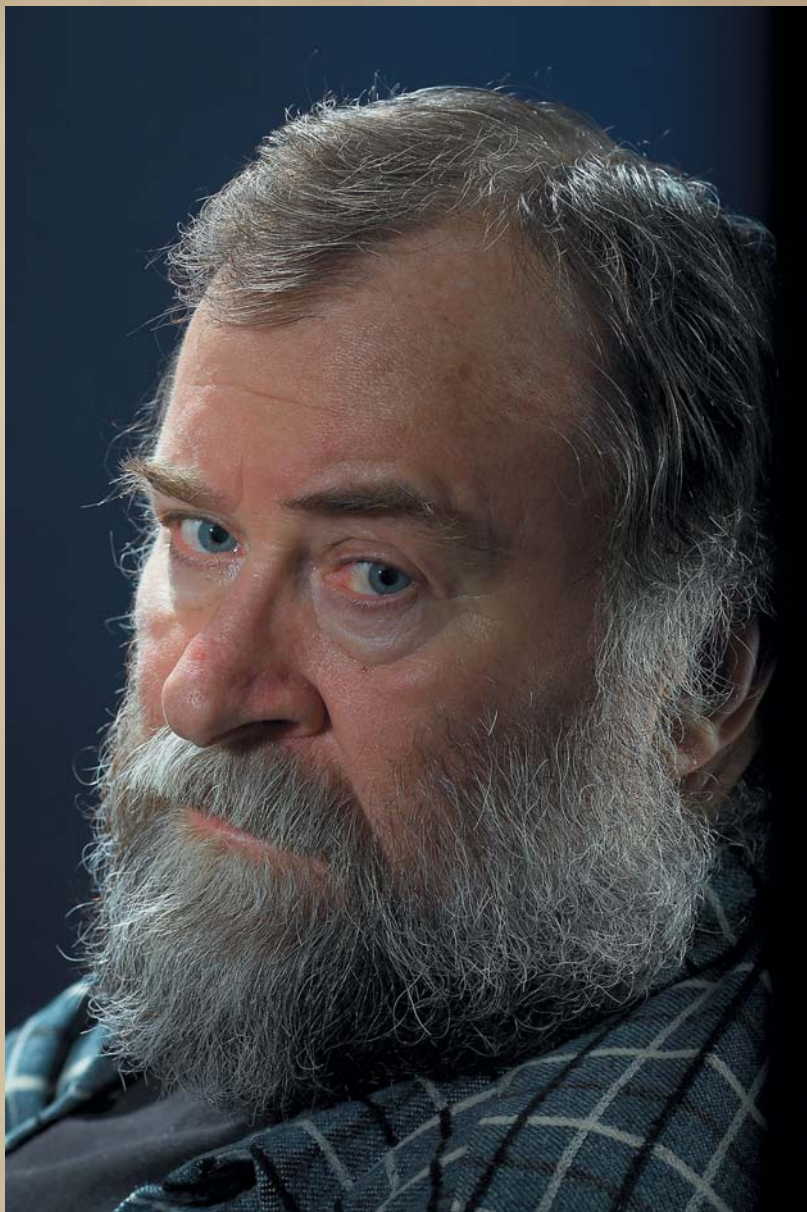

К 70-летию редактора. Главного

Николай Кривомазов мечтал отпраздновать 20-летний юбилей своего журнала «Русская водка», — юбилей прошел тихо 8 января 2017 года, что невозможно было при жизни Николая. Всяческие «тихо», «скромно», «осторожно», «осмотрительно» и т. п. с Кривомазовым несовместимы, особенно в его журналистском деле. У него не было «проходных» материалов, все, что он писал, будоражило, задевало за живое. До сих пор задевает.

Кривомазов Николай Павлович (1947–2012). Родился на Дону. После окончания Каменского педагогического училища работал учителем младших классов в Якутии. Окончил Иркутский государственный университет и сценарный факультет ВГИКа. С 1968 года — профессиональный газетчик: начинал в районной якутской газете «Лена маяктары» («Ленские маяки»). Затем иркутская областная газета «Советская молодежь» (1969–1977) — литсотрудник, собкор по Северу: Братск, Усть-Илим, Богучаны, БАМ. В «Комсомольской правде» (1977–1982) — собкор по Восточной Сибири. Собкор газеты «Социалистическая индустрия» (1982–1987), газеты «Правда» — (1987–1988), позднее — зам. редактора отдела, ответственный секретарь газеты «Правда» (1988–1995), обозреватель «Российской газеты» (1995–1998). Учредитель и основатель Издательского дома «Гражданин» (1998), издатель и главный редактор журналов «Гражданин» и «Русская водка». Автор двухсерийного фильма «Взбесившийся автобус» (1990). Лауреат премии имени В. Гиляровского.

Татьяна Корсакова

Многие думают, что Николай Кривомазов, которому 20 сентября 2017 г. исполнилось бы 70 лет, — сибиряк. Ну как же! Большой такой, с бородой... Но биография Коли еще круче: он стал сибиряком по собственному желанию, будучи по рождению донским казаком. В тех же краях, недалеко от родины — станицы Мальчевской, выучился на учителя начальных классов. После окончания училища они с другом Ваней Черевковым попросились на Север. Распределили мальчиков в Якутию. Так Кривомазов и стал сибиряком на долгие годы.

А с бородой его знаменитой связана грустная история, свидетелями которой от «КП» были только Володя Снегирев, Валера Володченко и я. 20 декабря 1974 года нас отправили в ЦК ВЛКСМ на утверждение. Главным редактором «Комсомолки» и членом бюро ЦК комсомола был тогда Л. К. Корншов. Сидим в «предбаннике», ждем. Ничто ничего не предвещает. Хоть бы предупредили! Приглашают в зал. Первым утвердили Снегирева — заведующим отделом спорта, вторым — Володченко собкором на Караганду, затем меня — на Куйбышев. И... перешли к другим вопросам. Кривомазова «зарубили». Я даже забыла обрадоваться своему утверждению — так было жаль Колю. И пошли мы с ним в «Пельменную» напротив ЦК ВЛКСМ. Там почему-то и днем подавали водку...

Почти через три года мы с мужем возвращались из ленинградского пансионата домой в Куйбышев через Москву. Завтракаем в ресторане гостиницы «Юность», и вдруг к нашему столу подходит быстрым шагом какой-то длинный худой тип, здоровается и — о ужас! — при моем ревнивном муже целует меня в щеку. «Вы кто?!» — «Ты что, не узнаешь?» Это был гладко выбритый Кривомазов.

«Комсомолка», как только сменился Первый, снова выдвинула Колю, которого Пастухов в отличие от Тяжельникова ценил (Тяжельников терпеть не мог Кривомазова за его бороду и острый язык). Коля был утвержден в качестве собкора «КП» по Красноярскому краю.

...Все так и думали, что он сибиряк, и что здоровье у него сибирское. А Николай Палыч сгорел за месяц, и это стало горем для всего нашего дружного собкоровского корпуса, хотя давно уже мы не собкоры. Он был самым смелым, самым выносливым, самым лучшим из нас. Сибиряк с Дона.

Людмила Семина

Николай жил широко, содержательно, выпускал два журнала «Гражданин» (конечно, естественной для него национально-патриотической позиции, но выражавшейся философически, без крайностей, без оскаленного антисемитизма, в котором его нередко упрекали те, кто не простил знаменитой публикации 70-х «Рагу из синей птицы» против группы «Машина времени»), и журнал «Русская водка» — опять же просветительский, внедрявший культуру застолья, питания, производства. Не могу сказать, что мы были очень близки, хотя Николай окончил тот же Иркутский университет, что и я, тот же факультет журналистики. Разные поколения. Николай стал собкором «Комсомолки», когда я из нее уже уходила. Но у себя в клубе мы чувствовали себя все же единокровниками: Шестой этаж (так мы называли свою редакцию, занимавшую в газетном корпусе на улице Правды, 24, именно шестой этаж) нивелировал все человеческие слабости и прививал некую общую для всех природу силы, ответственности, профессионального перфекционизма, порядочности. Тут недавно одна из «соэтажниц» публично прошла опять же по злополучному «Рагу», назвав его доносом, чего я ни принять, ни даже понять не могу. Каждый из нас имеет право выразить свое мнение. Главное, что Николай никому никакой подлости в жизни не сделал, а добра — немало. Он болел за державу душой, отстаивал ее искренне и самопожертвенно, никаких богатств не накопил, хотя и в новых условиях умел заработать на достойную жизнь, поднять сыновей до творческих высот. Ну а если на его позиции паразитируют негодяи, так они паразитируют и на противоположной, точно так же оседая всюду, где развивается что-то здоровое и крепкое. Это я к тому, что рада за наших, какое бы мнение ни поселилось в их головах. Никто из наших — даже по глупости — не призывает к уничтожению другого человека. А судить, как говорили великие всех времен и народов, надо все же не за слова, а за поступки. Долгая память этому сложному, незаурядному журналисту.

Самая невоенная победная история фронтовика Павла и моей мамы Раи Кривомазовых

Этот рассказ Николай Кривомазов написал в конце 2011 года для своего товарища Владимира Перепелицы, который собирался издать книгу к 70-летию Великой Победы, но болезнь его тоже подкосила, и книга не вышла.

Очевидно, это было психическое заболевание, вызванное блокадой — заболевание, которое делает человека аутичным (замкнутым в самом себе). Она не могла есть, ибо всё время думала, что за стеной у соседей кто-нибудь да умирает от голода... Мой отец... Впрочем, что я знаю про своего отца, который умер от блокадного туберкулёза в 37 лет, когда мне было всего 6 лет. Но история эта — про отца и про блокадницу, умирающую от того, что она не могла есть, она как последний уголёк всю жизнь тлела в костре моей жизни, и только сегодня, когда меня попросили написать про отца, которого я не знаю, только сегодня, когда вся страна снова оказалась в блокаде, я вспомнил эту насквозь невоенную военную историю и подумал, что обязан рассказать её в подробностях и в деталях, и тогда, может быть, бедная, голодная и до противности сытая Россия хоть на миллиметр, но подвинется назад, к своим истокам — хоть на миллиметр от пропасти, в которую нас суют уверенные и знающие мерзавцы, а всё больше — мы сами.

Отца взяли на войну поближе к авиации за то, что он был приличным конником, знал казачью джигитовку и вообще умел коровам хвосты крутить — в детстве ходил в ночное... Я всегда думал, что папа шутит. Потом узнал, что первых авиаторов действительно набирали именно по этому, по казачьему признаку. Судите сами. Только что окончилась гражданская война. Зарождается советская авиация. Кого брать в авиаторы? Конечно же, самых сильных, самых смелых, самых сноровистых. А где у нас такие? Конечно же, в конармии Будённого! Потом в самых разных мемуарах я находил такое: летчик подсакивает к своей машине на лихом скакуне, отдаёт поводья своему технику и переваливается в кабину самолёта. После полёта его встречал у самолёта всё тот же лихой скакун. Так было.

И это, пожалуй, всё, что я знаю про своего отца. Он умер, повторюсь, когда мне было 6 лет. Всё это время меня к отцу близко не подпускали — боялись, что заражусь, и долго потом, все школьные годы, проверяли «реакцию пирке», кто знает эту специальную медицинскую царапинку на левой, кажется, руке. Если ранка воспалялась, значит, ты наверняка предрасположен к туберкулёзу... Одно время реакция была положительная, то есть предрасположенность к туберкулёзу всё-таки была. Потом всё выправилось. И только сегодня, когда началась очередная война с народом, я вдруг с ужасом узнал, что туберкулёз вернулся в Россию, как Гитлер, как захватчик! Болеют тюрьмами и народами (якуты).

Что делал отец на войне, я тоже не знаю. Долго гулял по чуланам старый отцовский чемодан, на внутренней стороне

которого было наклеено несколько фронтовых фотографий. Лёгкий одномоторный самолёт, отец держится рукой за хвост самолёта... По хлипкой лесенке спускается лётчик, отец сидит на бочке, смеётся... Несколько человек в лётных шлемах... Даже в детсадниках я много думал, как сохранить эти фотографии. Попробовал отодрать фотку от чемодана, только карточку испортил, мама наругала. Ломать крышку ещё опаснее. Потом, конечно, военный чемоданчик сгнил, невеста куда, и последнее свидетельство военной службы отца пропало навсегда.

Скорее всего, он был техником на аэродроме где-то под Ленинградом или прямо в Ленинграде — это я знаю точно. Потому что даже в блокадном Ленинграде отец в силу высокого роста получал двойной паёк. Но и двойного пайка не хватило на то, чтобы спасти отца от голодного туберкулёза...

Вот тебе и всё генеалогическое дерево рода Кривомазовых — с обрубленными ветвями, с порушенной корневого системой, с ободранной, кровоточащей корой недетских воспоминаний о голодоморе, организованном уже Хрущёвым.

После войны отца сделали уполно-моченным министерства заготовок — Уполминзаг, кажется, так. Ещё говорили: пух-перо-каракуль. То есть отец, бедолага, собирал с населения налоги. Заколот свиную — сдай шкуру государству, из щетины сделают зубную щётку, а шкура пойдёт на клей. Снесла курочка десяток яиц — восемь тебе, два в Уполминзаг, да ещё куриный пух на подушки отнеси в налоговую... Налоги после Сталина и в особенности при Хрущёве были страшные! Я сам лично вырубил в нашем дворе три яблоньки: за каждую нужно было платить — точно помню! — 40 рублей в год, а зарплата у нас с мамой-бухгалтером была 45 рублей в месяц. Причём мы точно знали, что Кавказ такие налоги не платит. Так их держали в упряжке дружбы народов.

В общем про налоги тех лет мы пацанами знали всё. Пух-перо-каракуль — за всё нужно было отстёгивать государству, и попробуй не отстегни! На очередном заседании, видимо, Уполминзага, отца вызвали на ковёр: почему мало налогов?! У отца пошла горлом кровь, и больше он к своим заготовкам не возвращался. А вскоре его не стало... Мне кажется, что на его похоронах была и та самая блокадница, про болезнь которой знали все. К тому времени она, похоже, выздоровела, потеряла питерскую бледность и блокадную худобу, устроилась санитаркой в местную больницу и стала, как все... Но мы-то знали, что если бы не отец, если бы не наша казачья станица Мальчевская, то этой победы бы не было. Правда, особого значения этой победе никто не придавал.

Корнеев Е.А. Блокада Ленинграда

Казаки — народ при всей своей доброте и открытости достаточно жестокий и даже безжалостный. Пришёл — садись за стол, повечеряем, погутаим. Уходишь — твоё дело. Первые три дня гостя не полагалось расспрашивать, зачем пришёл, а не скажет, и то хорошо. Его коня ставили к самой широкой кормушке, а постель стелили в светлом углу. Но сюсюкать и размазывать слёзы радости от такого гостя было не принято. Поэтому и появление в нашей станице худощавой и явной «не жилец» блокадницы было воспринято, как и полагается — никак.

— Говорят, Павел из Ленинграда прислал. Умирать.

— Это ж чей Павел, чаем не Кривомазов?

— Он самый.

— Ну и как он там? Говорят, летает.

— С коня он летает, а откуда в Ленинграде кони?! Они их там всех съели.

И так далее.

Где её высмотрел в блокадном Ленинграде мой отец, я тоже не знаю. Но, понятное дело, высмотрел. Может, это была любовь, но скорее всего нет. Скорее всего она была соседкой их лётной части. То чаю в термосе принесёт (отец до смерти вспоминал какой-то красный термос, наполненный кипятком), то сама в платочке что-нибудь из лётного довольствия унесёт к себе домой...

И всё было бы хорошо, кабы не её бешеная худоба, которая с каждым днём проявляла себя, как сама Смерть!

«А я дома и не ем ничего», — говорила она, отламывая крохотную горбушку от подаренного хлеба — на людях она худобно ела.

Лётный врач, который, наверно, разбирался не только в болезнях, но и в людях, сказал про неё: не жилец. И называл при этом какое-то особое заболевание — психическое и неизлечимое. Отец не запомнил, какое, а я раскопал это название через много-много лет. Аутичность. Замкнутость в себе. Ты просто-напросто ничего не можешь есть. Тебе всё время кажется, что у других — за стеной, на соседней улице кто-то другой умирает от голода, потому что ему нечего есть...

Впрочем, разбираться в таких тонкостях в блокадном Ленинграде, умирающем от голода, было некогда. Умирал Ленинград, умирала страна, умирала странная знакомая лётной части. Лекарство от этой болезни могло быть только одно, но до Победы оставалось ещё и 900 блокадных дней, и ещё столько, и полстолько, и четверть столько...

Очевидно, отец дал ей адрес нашей донской станицы. Как-то помог покинуть блокадный Ленинград. Написал, чтобы

встретили и приютили. Но она ни к кому из Кривомазовых не обратилась и приткнулась где-то на окраине станицы Мальчевской Мальчевского, позже Миллеровского района Ростовской области.

С продуктами и здесь, на Дону, было не очень. Немцы ушли, но голодуха — осталась. Поэтому она, наша блокадница, благополучно шла к своему концу, но рядом уже не было ни лётной части, ни заботливых лётных техников, и спасать её было некому. Чужой человек в нашей станице даже в военное лихолетье вызывал не то чтобы раздражение, но и радости особой не вызывал. Наверняка какой-нибудь кривой казачара буркнул про неё «красногубая», вот тебе и весь лейбл до самой смерти.

Мама. Мама Рая. Ещё не Кривомазова, а 17-летняя школьница Рая Свистунова, устроившаяся летом 41-го бухгалтером на элеватор. Почему меня попросили написать про отца и не попросили про маму? Когда пошёл немец, когда полетели немецкие самолёты и началась бомбардировка, она ехала в кузове грузовика с мешком денег — сдавать в Миллеровский банк. Взрывом машину положило на бок. Мама чудом осталась жива. Схватила мешок с деньгами и потащила его по дороге в сторону банка — это ровно 17 километров. Про эти километры она мне, в отличие от отца, рассказывала потом, смеясь и плача. Чего больше боялась — немецких самолётов или что деньги не донесёт? Не знает. Но мешок с деньгами дотащила до самого банка и даже взяла расписку, которую на обратной дороге домой потеряла — её опять бомбили, опять девчонке было страшно, но совсем не так страшно, как с деньгами.

Кстати, при оккупации было не так страшно, как при первом авиационном налёте на Дон. В станице остановились не немцы, а итальянцы. Они съели в речке, в Белой Калитве, все ракушки, которые мы потом, пацанами, набирали мешками, чтобы свиней кормить. И звали наших свиней итальяшками. Как часто мы теперь слышим, что на войне было проще и понятнее. Впереди враг — сзади друг. А итальяшки никого из наших не трогают и только жрут наши ракушки...

Послевоенное детство на Дону было непомерно взрослым. Хрущёв, про которого сегодня, как и про Горбачёва с Ельциным начинают лепить положительные легенды, снова становится выше собственного роста. Первый раз он попытался возвыситься, стоя на костях Сталина. Только что умер дядя Гриша, тракторист. Умер, потому что сельский народ, не видя перспективы, побежал в город. И на дядю Гришу навесили по три-четыре нормы пахоты на тракторе.

С 1959 года возобновились гонения на личные подсобные хозяйства. Было запрещено иметь скот горожанам, что раньше выручало жителей маленьких городов. Затем гонению подверглись хозяйства и сельские жители. За четыре года поголовье скота в личном подворье сократилось в два раза. Это был настоящий разгром только начавшего подниматься крестьянства. Снова зазвучали лозунги, что главное — общественное, а не личное хозяйство, что главным врагом являются «спекулянты и тунеядцы», торгующие на рынках. Колхозников изгнали с рынков, а настоящие спекулянты начали вздувать цены. Однако чудо не наступило, и в 1962 году Хрущёв решил стимулировать животноводство повышением в полтора раза цен на мясо. Новые цены не увеличили количества мяса, но вызвали волнения в городах. Наиболее крупное из них в нашем Новочеркасске подавили силой оружия. Стрелять послали осетин. Убили 27 человек, пацаны мёртвым горохом сыпались с деревьев, откуда веселее смотреть этот расстрел.

В следующем году возникли перебои не только с мясом, молоком и маслом, но и с хлебом. Длинные очереди с ночи выстраивались у хлебных магазинов. На памятнике Ленину написали стихи:

Володька, встань да подывысья,
До чего мы дожились.
Масло стоит двадцать семь,
А молока нема совсем.

Хрущёв начал закупать американское зерно. Повторяю: впервые за всю историю СССР в 1963 году были произведены закупки зерна за рубежом. Мы это зерно пацанами отличали сразу. Оно горчило, честное слово. Золотые запасы Советского Союза пошли на поддержку, укрепление и развитие американских фермерских хозяйств, а мы в своей деревне вырубали собственные яблоньки и резали последнюю хрюшку.

Хрущёв много говорил об отмене налогов, будь они прокляты! Но об этой отмене вообще перестали думать и говорить после того, как Хрущёв, по тогдашней поговорке, «в отпуске нырнул премьером, а вынырнул пенсионером». Теперь всё можно было бы списать на хрущёвский волонтаризм.

Идёт война антинародная... Вечная война!

Уже и отца не стало, но память об Уполминзаге до сих пор заставляет прислушиваться к словам, постоянно идущим из чёрного картонного кругляшка-радио на стене: успехи — «Евгений Онегин» (опера) — снова успехи — Театр у микрофона.

Об отмене налогов продолжали говорить в неопределённом времени. В 1966 году на XXIII съезде было сказано, что отмена и снижение налогов будут продолжены. А в 1971 году, два года спустя после того как эксперимент с хозяйственной самостоятельностью предприятий был свёрнут, неосуществленную отмену налогов решили замаскировать. На XXIV съезде КПСС Брежнев в своем докладе говорил: «В немалой степени этому способствовала и незаконная ликвидация в конце 50 — начале 60-х годов личного скота сельских жителей под предлогом отвлечения их от труда в общественном хозяйстве. Личный скот, главным образом коровы, в течение трёх лет был частично сдан в общественные стада, а основная часть была крестьянами уничтожена. В результате страна потеряла миллионы голов скота».

Корочка, жрать было нечего. По весне спасала болотная осока — крахмальные корневища, выдернутые из заберега. Первые майские яблочки — кислица, от которой скулы сводило, но витаминами, должно быть, мы насыщались на весь год. Раки — мы их драли из нор, в которых то и дело попадалась лягва (лягушка) или змеюка. Печёная на костре кукуруза. Ворованные на плантации помидоры.

Эх, ма... Ну когда нам было думать про какую-то умирающую блокадницу, которая — оказывается! — всё ещё жила и даже оживала не только телом, но и душой.

Конечно, мы помаленьку начинали разбираться в психических болезнях. Больным kleптоманией называют человека, который крадёт вещи, даже если они ему не нужны. Чаще всего kleптомании подвержены женщины — не хватает минералов в сером веществе мозга.

Ещё был в станице один «мертвяк». Теперь я знаю, что это был синдром Котарда. Человек, страдающий этим заболеванием, ощущает себя мёртвым или несуществующим. Больному кажется, что он потерял все жизненные силы, кровь и внутренние органы, а иногда он даже ощущает, что его внутренности разлагаются. Причину болезни связывают с депрессией или серьёзным умственным отклонением.

Синдром Стендаля. Страдающим этой болезнью противопоказано находиться в местах, где выставлено большое количество красивых предметов искусства, потому как, попадая в такие места, больной испытывает головокружение, тахикардию, волнение, а иногда и галлюцинации.

Самое опасное место для таких людей — галерея Уффици во Флоренции. Кстати, именно на примере недомоганий туристов, которые посещали этот музей, и был описан синдром. Впервые же о симптомах болезни рассказал Стендаль в своём рассказе «Неаполь и Флоренция: путешествие из Милана в Реджио».

Как называлась болезнь нашей блокадницы, мы, понятное дело, не знали. Но почему-то женщины на такие болезни особенно падки. Особенно болезнь Лата, когда женщина теряет контроль над своим поведением, подражая речи и действиям людей вокруг, или даже превращается в зомби, полностью подчиняясь командам, которые ей отдают. Допустим, если вы прикажете такой женщине беспричинно ударить кого-то, она, не раздумывая, это сделает.

И вот моя Мальчевка — известный «специалист» по психическим болезням, присмотревшись к ленинградской тётке, вдруг, не сговариваясь, объявляет свой диагноз и начинает своё лечение!

Первым делом дедушка Афонька с нами, с пацанами, вкопал во дворе перед окнами нашей блокадницы четыре столбика, на которые положил две лаги, а поверх них приколтил несколько досок — получился довольно длинный стол.

По обе стороны стола сколотили шершавые скамейки — всё время за трусцы цеплялись!

Этот стол в тенёчке шелковицы мгновенно заняли три инвалида-доминошника, но к вечеру их турнули, и началось то, что я теперь называю самым мощным поиском национальной идеи — единение всех народов и нравов.

Говорят, это было весной. Значит, кто-то принёс пучок редиски и первую луковую зелень. Разумеется, сало. Жёлтое, пережившее и Сталина, и итальяшек с Хрущёвым. Наверняка была бутылка самогона, заткнутая кукурузным початком. Мы притащили из Янцевского леса первых яблочек — та самая кислица, которая сильнее любых сегодняшних поливитаминов.

Первый вечер за общим столом оказалось немного народу. Цыгане Алчевские, давно уже оставившие свой табор и живущие за мельзаводом... Два дагестанца — они выкладывали бульжником главную улицу Мальчевки, до сих пор, по-моему, этот бульжник лежит, как на Красной площади... Подошёл дядя Петя, сосед... Ведьма, живущая у кладбища...

Не позвали только нашу блокадницу — она несколько раз мелькнула за занавеской, вышитой гладью, и больше не показывалась.

На следующий день этого спектакля действующие лица и исполнители несколько изменились. Но занавеска всё время была раздвинута по тоненькой ниточке.

На третий или четвёртый вечер забыли и правила игры, и зачем собирались под чужими окнами — всем понравилось ужинать (вечерять) вместе. Говорить обо всём. Спорить до умопомрачения. Угощать друг друга, чем Бог послал...

И сами не заметили, как на самом краешке общего стола вдруг оказалась и наша — с тряпочкой, в которую была завернута нехитрая снедь. Не знаю, что там она ела в свой первый вечер. И во второй. И в третий. Но — главное! — она видела, что вокруг неё нет голодных! И, значит, её проклятая, проклятушая АУТИЧНОСТЬ должна исчезнуть прочь, должна застрелиться, как в плохом спектакле, и перестать канать бедную женщину, измученную непонятной болезнью. Вот, пожалуй, и всё. Выздоровела так выздоровела...

Отца больше нет. Мама тоже ушла к нему. Ничего особенного вроде не совершили. Но даже когда блокадница встала на ноги и куда-то уехала, ушла своими ногами, за этим, за общим столом у старой ветряной мельницы-мукомолки долго ещё потом собирались станичные мужики и бабы, и допоздна, дотемна, здесь была жизнь, КОТОРОЙ СЕГОДНЯ НЕТ.

Фильм Рона Ховарда «Игры разума» был признан Американской киноакадемией лучшим фильмом 2001 года и получил «Оскара». Я ахнул, когда увидел это кино! Да это ж про нас, про мальчевских! Нобелевский лауреат Джон Форбс Нэш, который всю жизнь страдал тяжёлым психическим расстройством, сделал фантастическое открытие про нашу донскую станицу Мальчевская в Ростовской области, которая в свою очередь, т. е. раньше Нэша, сразу после войны, совершила открытие, действительно достойное Нобелевской премии. Значит, я — сын нобелевских лауреатов Раисы и Павла Кривомазовых.

На самом, конечно, деле открытие сумасшедшего Нэша гораздо проще и понятнее: быть вместе — это лучше, чем порознь, а сотрудничество эффективнее конкуренции. Странно, что душевнобольной человек, страдавший заболеванием, которое делает человека аутичным (замкнутым в самом себе, психологически изолированным от окружающих), смог до этого додуматься, а миллионы здоровых ведут себя прямо противоположным образом.

Наши экономисты пытаются убедить наших предпринимателей в том, что главное их оружие — это конкуренция. Как показывает практика заказов убийств и загадочных уголовных процессов, убедить наших предпринимателей нашим экономистам удалось. Блестяще! Только вот весь цивилизованный мир уже минимум как два-три десятилетия живёт по другому принципу. Современная экономика требует не конкуренции, а взаимодействия и сотрудничества. Впрочем, и Запад шёл к этому прозрению не один год. Джон Нэш, который сформулировал этот принцип ещё в свои студенческие годы, получил заслуженную им премию только в 1994 году.

В упомянутом фильме есть замечательный эпизод, демонстрирующий суть открытия нобелевского лауреата. Конечно, всё здесь упрощено до неприличия, но в целом получилось достаточно наглядно. Авторы фильма показывают нам, как студент Джон Нэш, сидя в баре со своими сокурсниками, вступает в заочную полемику с отцом-основателем современной на тот момент экономики — Адамом Смитом. Адам Смит — это признанный экономический гений, узаконивший в свое время принципы конкуренции, показавший важность личных амбиций каждого из членов группы. В сущности, Смит провозгласил в экономике принципы естественного отбора: человек человеку враг, а победит сильнейший.

И вот, когда молодые студенты дискутируют по «актуальным экономическим вопросам», в дверях бара появляется компания, состоящая из пяти девушек. Одна из них — шикарная блондинка, четыре другие женские персоны на её фоне безбожно теряются. Юноши активизируются и даже пытаются делать ставки на то, кому достанется «лучшая из женщин», при этом все готовы вступить в конкурентную борьбу за эту белокурую красавицу.

И тут нам показывают рассуждения Нэша, которые сводятся к следующему: сейчас мы все кинемся к «первой леди», она растеряется, не будет знать, кого предпочесть и как реагировать, а потому просто проигнорирует наше — т. е. всех пятых молодых мужчин — наступление. Отчаявшись добиться взаимности от «первой леди», юноши обратятся к четырём оставшимся дамам, но напрасно — те уже почувствовали себя оскорблёнными, ведь «никто не хочет быть вторым». Таким образом, и это наступление также окажется сорванным. Предприятие по завоеванию женских сердец будет провалено, причём по всем фронтам, и все останутся с носом. Если же, рассуждает Нэш, мы сговоримся и проигнорируем «первую леди», сразу обратившись к девушкам, которые оказываются «вторыми», то ситуация повернётся прямо противоположным образом, успех компании здесь гарантирован. «Только так мы получим женщин!» — восклицает

он своим сокурсникам, — считал, что лучше, если каждый член группы действует в своих интересах. Но для того чтобы результат был оптимальным, нужно, чтобы каждый член группы делал что-то для себя, а что-то для группы».

Почему же сотрудничество выгоднее конкуренции? Вот посмотрите, во что превратились «выборы» в России. Кандидаты всех видов и мастей настолько законкурировались, что избиратели просто потеряли всякое доверие к выборам и всякое желание ходить на эти выборы. «Какая разница, кто будет воровать?» — спрашивает избиратель и не идёт на выборы, а потому целые округа стоят у нас бесхозными. Результат конкуренции — ни вашим, ни нашим. Правда, в последнее время, как вы могли заметить, политики пытаются объединяться, делят округа и т. п., видимо, сказывается эффект просмотра фильма «Игры разума». Так или иначе, но сотрудничество и взаимодействие оказываются куда более эффективными, нежели конкуренция, которая, впрочем, биологически нам значительно ближе.

Мы возвращаемся к понятию «инвестиции». Чтобы инвестировать свой капитал, нужно иметь то, во что этот капитал можно инвестировать. Однако жесткая конкуренция служит уничтожению среды обитания. А потому вступающие в конкурентную борьбу уничтожают не только своих конкурентов, но и потенциальных партнеров и, вслед за этим, саму ту среду, которая их кормит. В результате инвестировать будет просто некуда, а потому победитель в самом скором времени ляжет в гроб рядом с побеждённым. Если вы хотите быть успешными, вы должны искать не тех, с кем можно было бы конкурировать, а тех, чьи силы и капитал можно объединить с вашим ради вашего же и общего блага. Девиз современной цивилизации — «Объединяй и властвуй!», причём первое превыше второго, ибо является его условием.

Конкуренция обусловлена борьбой членов группы за лидерство, работой «иерархического инстинкта». Лидирующая позиция гарантирует животному, с одной стороны, большие возможности к личному выживанию (лидер, как известно, первым освежёвывает добычу, он же обладает и «правом первой брачной ночи»). С другой стороны, наличие лидеров поддерживает стабильность группы, где благодаря единоначалию каждый выполняет свои задачи для достижения общей цели. Лидер (вожак) устанавливает порядок, пресекая всякие попытки своих «подчиненных» к взаимному выяснению отношений, чем и защищает друг от друга своих неразумных собратьев.

Итак, стремление к лидерству продиктовано биологически. Но вот в чем загвоздка: у животных есть очевидный критерий, который позволяет кому-то одному быть безусловным лидером. Этим критерием в животном мире является сила. В человеческом обществе критерии куда сложнее, их и не сформулируешь толком. Если бы мы жили по законам природы, то все было бы понятно: главой объединённого человечества был бы Майк Тайсон. Впрочем, поскольку критерии, выявляющие лидера, в нашем обществе не определены, то всякий, кому не лень, хочет лидировать. Конфликтов в этом случае не избежать. Вот и получается, что тот механизм, который в животном царстве обеспечивает мир и стабильность, в нашем обществе, напротив, способствует бесконечному разжиганию всяческой розни. Само же общество стоит на конкурентном принципе: «Я выиграл — ты проиграл!»

И, к сожалению, мы оказываемся здесь заложниками глупейшей путаницы. Мы путаем борьбу за власть с работой по повышению собственного благосостояния. Нам кажется, что власть и благосостояние — это вещи не только друг с другом связанные, но даже в каком-то смысле

идентичные; на самом же деле это вещи принципиально отличные.

Власть — это то, что возникает в процессе непосредственных социальных отношений, это, грубо говоря, отношение нас друг к другу; а благосостояние — это экономический достаток конкретного человека. Причём наше благосостояние тем выше и надежнее, чем лучше благосостояние наших сограждан. Если ты богат, а остальные бедны и голодны, то в скором времени от тебя останутся рожки да ножки. Если ты богат, а остальные бедны, но не голодают, ты не сможешь вести активную экономическую политику, ведь, вкладываясь в производство, которое может повысить твой достаток, ты должен обеспечить себя потребителем производимого товара. А вокруг все бедные, и купить твой товар некому, следовательно, и заработать у тебя нет никакой возможности.

Таким образом, если борьба за власть — это борьба на выбывание, то стремление к достижению благосостояния — это всегда командная игра. Но мы категорически отказываемся способствовать обогащению других людей. И это странно, ведь, обогатившись, они перестали бы просить у нас в долг, перестали бы находиться у нас на иждивении, обеспечили бы спрос на производимую нами продукцию (товары и услуги) и, в свою очередь, сделали бы нам выгодные предложения, способствующие процветанию нашего бизнеса.

Однако мы, боясь потерять власть, препятствуем улучшению благосостояния окружающих, оттесняем их, не предлагаем им сотрудничества. Мы используем десятки способов борьбы за власть и преуспели в отработке подобных стратегий. Но каких тогда мы ждём результатов? ПОБЕДЫ НА ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛЕ?! Хорошим же будет в этом случае наше собственное благосостояние! Джон Нэш посчитал эту политику ошибочным решением, и в этом он был прав и как математик, и как человек. Только когда мы научимся видеть друг в друге партнёров, успех станет для нас привычным делом. Пока же итоги неутешительны.

Итак, если мы действительно хотим быть успешными, нам следует развесть эти две свойственные нам биологические (инстинктивные) потребности: быть лидером и добиться благосостояния. Напротив, их совмещение чревато неуда-

чами и даже полным крахом. Забираться на стену легче, используя плечи друг друга, а вот запрыгивать на неё самостоятельно, пытаясь параллельно сбить с этой стены своих «конкурентов», — бессмысленная и вредная политика.

Мы должны научиться сотрудничеству, так что не позволяйте своим амбициям помешать вам добиться успеха. Не бойтесь разделить прибыль, бойтесь не получить прибыли из-за собственного тщеславия, собственной жадности и жажды власти. Находите соратников, находите тех, кто станет для вас достойным партнером, партнером, на которого можно положиться, которому можно доверить, который сможет работать и зарабатывать, чтобы вы, в свою очередь, тоже могли работать и зарабатывать. Так или иначе, в одиночку в этом мире не выжить.

Если вы хотите быть успешными, вы должны помнить: стать первым не главное, главное — это использовать весь свой потенциал, и в том числе потенциал своего взаимодействия с потенциальными партнерами и соратниками. Время войн безвозвратно ушло в прошлое, современный мир, причём на всех уровнях своей организации, столь увязан и взаимозависим, что всякая, даже самая незначительная потасовка может обернуться глобальной катастрофой.

Не раскачивайте лодку, а вместо этого сговоритесь с вашим окружением о направлении её движения. Дальше вам останется только разделить между собой обязанности в соответствии с возможностями каждого из членов группы. И если каждый даст для общего результата то, что он может дать, — кто-то возьмётся за весла, кто-то за штурвал, кто-то будет штурманом, а кто-то станет коком, — результат будет желаемым, хотя и общим, одним на всех.

Все эти длинные и страшно умные вещи мне в разные годы говорили разные люди. А я им в ответ — свою историю из собственного детства. Про то, как отец прислал на Дон из Ленинграда большую блокадницу, а мои жёсткие и такие разные в общем казаки, не сговариваясь, открыли для себя то, что годы спустя откроет лауреат Нобелевской премии. Не скажу, не знаю, насколько эту историю можно считать военной. Но сегодня, когда в стране идёт новая война — тихая, мрачная, для многих и незаметная, история моего отца, история моей донской станицы Мальчевской могут стать примером для создания истории новой России.

Встреча бойцов Волховского и Ленинградского фронтов, 1943